

Д. Ж. О. Н.
Бёрджер

Дорожи тем,
что ценишь

*Д е п е ш и
О В Ы Ж И В А Н И И
И С Т О Й К О С Т И*

Джон Бёрджер

**Дорожи тем, что ценишь. Делай
о выживании и стойкости**

«Ад Маргинем Пресс»

2007

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-46

Бёрджер Д.

Дорожи тем, что ценишь. Делеши о выживании и стойкости /
Д. Бёрджер — «Ад Маргинем Пресс», 2007

ISBN 978-5-91103-728-4

В этом сборнике эссе писатель, критик, поэт и художник Джон Бёрджер (1926–2017) рассуждает об ужасах современных войн, терроризме и природе всепоглощающего отчаяния. На страницах книги он демонстрирует нам жизнь людей, для которых это чувство стало верным спутником — бедняков и беженцев из Афганистана, Палестины, Ирака, Сирии, — и предлагает разделить их траур по отнятой насильно свободе. Обращаясь к сюжетам фильмов Паоло Пазолини, работам Фрэнсиса Бэкона, фотографиям Ахлам Шибли и Йитки Ханзловой и вспоминая «Смотрим на чужие страдания» Сьюзен Сонтаг, Бёрджер анализирует, как искусство в качестве инструмента сопротивления репрессивной политике может помочь одержать победу над болью, страхом и ненавистью. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-46

ISBN 978-5-91103-728-4

© Бёрджер Д., 2007
© Ад Маргинем Пресс, 2007

Содержание

Стремление к настоящему	9
Семь уровней отчаяния	10
Непобедимое отчаяние	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джон Бёрджер
Дорожи тем, что ценишь. Депеши
О ВЫЖИВАНИИ И СТОЙКОСТИ

Hold Everything Dear
Dispatches on Survival and Resistance
John Berger

*Ad***M***arginem*

© John Berger, 2007 and John Berger Estate
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

After 'Guernica' (1937) — Beirut, Cana, Tyr (2006)

По мотивам *Герники* (1937). Бейрут, Кана, Тир. 2006

Дорожи тем, что ценишь

Джону Бёрджеру

как полуденный кирпич хранит румяное
тепло пути,

как роза распускается, даруя нам покой,
приятный вздох,
она цветет, как ветер,

как тонкие березы поют истории о ветре,
не теряя времени,
на пути грузовиков,

как листья изгороди берегают свет,
который день уже отдал,

как ямочка ее запястья бьется, будто грудка
воробья в порыве ветра,

как хор земли находит свои очи в небе
и обращает их друг к другу в изобильной
темноте,

дорожи тем, что ценишь.

птичью каллиграфию по утрам,
миллионы рук топора,
мягкую ладонь земли,
опережающую время,
сломанные племенные зубы и их долгое
пребывание в степи —
разбросанные и собранные вместе,

маленькую уцелевшую глиняную ручку,
почти призрак кувшина,
направляющуюся вверх сквозь почву,

обещание протянутых рук, одинокий лист,
наша прогулка
по карте ладони, завязанной
узлом,
но протянутой, как факел.

дорожи тем, что ценишь,

путями, которые прокладываются к нам, и
тем, как мы открываемся им,

справедливостью травы, разрушающей

дворцы, но укрывающей песни
искателей,

сосудом, дающим имена волнам,
кувшином жизни, наполненным днями,
и тонущим

в памяти, превращающейся в форму того,
что дерево всегда знало как семя,

словами,
хлебом,

ребенком, тянущимся к истинам за дверью,

страстным желанием начать вместе всё
сначала,
животными, живущими по законам мира,

людьми в комнате, людьми на улице, людьми,

дорожащими тем, что ценят.

19 мая 2005

Гарет Эванс

Стремление к настоящему (апрель 2006)

Мир изменился. Информация передается иначе. У дезинформации более высокий технический уровень. Эмиграция теперь основное средство выживания. Государство тех, кто пережил самый страшный геноцид в истории, стало с военной точки зрения фашистским. Независимые государства сведены к роли вассалов, обслуживающих новый мировой экономический порядок. Отточенный политический словарь трех столетий выброшен в мусорный бак. В общем, экономическая и военная глобальная тирания.

В то же время появляются новые методы сопротивления. Повстанцы теперь должны быть не столько дисциплинированными, сколько самодостаточными. Внутри растущей оппозиции централизованная власть заменена стихийным взаимодействием. Вместо долгосрочных планов – экстренные альянсы, нацеленные на конкретные проблемы. Гражданское общество изучает и начинает применять на практике партизанскую тактику политического сопротивления.

Стремление к справедливости огромно. Борьбу с несправедливостью, за выживание, за самоуважение, за права человека никогда не следует рассматривать с точки зрения ее непосредственных требований, организаций или исторических последствий. Ее невозможно свести к «движениям». Движение описывает массу людей, коллективно направленных к определенной цели, которую они либо достигают, либо нет. Однако такое описание игнорирует или не принимает во внимание бесчисленные встречи, личный выбор, озарения, жертвы, новые желания, горести и, наконец, воспоминания, которые породило движение, но которые, в строгом смысле, являются второстепенными.

Движение обращено к своей будущей победе, тогда как случайность обещает лишь настоящее мгновение. Такие моменты – прорывные или трагические – состоят из переживания свободы в действии. (Свободы без действия не существует.) Такие моменты – каким не бывает исторический «исход» – трансцендентны, это их Спиноза назвал вечными, и они многочисленны, как звезды в расширяющейся вселенной.

Не все желания ведут к свободе, но свобода – это опыт признания, выбора и осуществления желания. Желание никогда не связано с обладанием чем-либо, оно связано с изменением чего-либо. Желание – это стремление. Стремление к настоящему. Свобода означает не удовлетворение этого стремления, а признание его превосходства.

Сегодня бесконечное граничит с отсутствием.

Семь уровней отчаяния (ноябрь 2001)

Я хотел бы, просто как рассказчик, добавить несколько коротких замечаний к происходящим дебатам.

То, что мы являемся уникальной сверхдержавой, расшатывает наш военный стратегический интеллект. Чтобы мыслить стратегически, нужно представить себя на месте врага. Тогда можно предвидеть, делать обманные ходы, заставить врасплох, обходить с фланга и т. д. Неверное понимание противника может привести в конечном счете к поражению. Так иногда рушатся империи.

Важнейшие вопросы сегодня: кто создает мирового террориста и его предельную форму – смертника-мученика? (Я говорю об анонимных добровольцах. Лидеры террористов – это совсем другая история.) Теракт создает, во-первых, отчаяние. Теракт – это способ преодолеть себя и лишением собственной жизни придать смысл той или иной форме отчаяния.

Вот почему термин «самоубийство» неуместен, поскольку выход за свои границы дает мученику чувство торжества. Над теми, кого он ненавидит? Сомневаюсь. Торжество над пассивностью, горечью, чувством абсурда, исходящими из глубин отчаяния.

Богатому миру трудно представить такое отчаяние. Не столько из-за его относительного богатства, которое порождает собственное отчаяние, сколько из-за того, что богатый мир постоянно чем-то отвлечен. Отчаяние, о котором я говорю, возникает из-за страданий, вынуждающих быть целеустремленным. Например, десятилетия, прожитые в лагере беженцев.

Из чего рождается отчаяние? Из ощущения, что твоя жизнь и жизни твоих близких ничего не значат. Когда это происходит на всех уровнях, отчаяние становится тотальным. Как при тоталитаризме, без возможности обжаловать.

Искать каждое утро
объедки,
чтобы пережить еще один день.

Осознавать, проснувшись,
что в правовой пустыне
не существует прав.

Опыт многих лет,
когда ничего не становится лучше,
а только хуже.
Унижение от того,
что почти ничего не можешь изменить,
и от того, что хватаешься за «почти»,
которое ведет в другой тупик.

Выслушивание тысячи обещаний,
которые неумолимо пролетают
мимо вас и ваших близких.

Пример тех, кто сопротивлялся
превращению в пыль.

Тяжесть твоего собственного убитого
тела, тяжесть, которая
навсегда отнимает невинность,
потому что тел много.

Это семь уровней отчаяния – по одному на каждый день недели, – которые приводят наиболее отважных к осознанию того, что пожертвовать жизнью в борьбе с силами, приведшими мир к тому, каков он есть, – единственный способ призвать нечто, что больше отчаяния.

Любая стратегия политиков, для которых такое отчаяние невообразимо, потерпит неудачу и будет вербовать всё больше врагов.

Непобедимое отчаяние (декабрь 2005)

Как так вышло, что я всё еще жив? Скажу вам, я жив, потому что сейчас временный дефицит смертей. Я говорю это с усмешкой, с противоположной стороны желания нормальной, обычной жизни.

Где бы вы ни были в Палестине – даже в сельских районах, – вы среди обломков, пробиваетесь через них, огибаете, перешагиваете. На контрольно-пропускном пункте, вокруг каких-то теплиц, до которых грузовики больше не могут доехать, на любой улице, направляясь на любую встречу.

Эти обломки – бывшие дома, дороги и повседневная жизнь. Едва ли найдется палестинская семья, которая за полвека не была бы вынуждена бежать, и едва ли найдется город, в котором оккупационная армия регулярно не сносила бы бульдозерами здания.

Есть также обломки слов, которые пусты, смысл которых уничтожен. Общеизвестно, что ЦАХАЛ, Силы обороны Израиля, де-факто превратился в армию завоевателей. Как пишет Серхио Яхни, один из мужественных израильских отказников (тех, кто отказался служить в армии): «ЦАХАЛ существует не для обеспечения безопасности граждан Израиля, он для гарантированной кражи палестинской земли».

Есть обломки благоразумных и принципиальных слов, до которых никому нет дела. Резолюции ООН и Международного суда в Гааге признали незаконным строительство израильских поселений на палестинской территории (сейчас таких «поселенцев» почти полмиллиона) и строительство «разделительного забора», представляющего собой бетонную стену высотой восемь метров. Оккупация и возведение стены, тем не менее, продолжаются. С каждым месяцем удушающая хватка Армии обороны Израиля на этих территориях усиливается. Удавка носит географический, экономический, гражданский и военный характер.

Всё очевидно; и это происходит не в каком-то отдаленном, охваченном войной уголке земного шара; каждое министерство иностранных дел каждой страны наблюдает за происходящим и не принимает мер, чтобы воспрепятствовать незаконности. «Для нас, – говорит палестинская мать на контрольно-пропускном пункте после того, как солдат ЦАХАЛ бросил в нее гранату со слезоточивым газом, – молчание Запада хуже, – она кивает в сторону бронированной машины, – чем их пули».

Разрыв между декларируемыми принципами и реальной политикой постоянный на протяжении всей истории. Заявления часто высокопарны. Здесь, однако, всё наоборот. Слов гораздо меньше, чем событий. То, что происходит, это тщательное уничтожение нации. И вокруг этого – скудные слова и уклончивое молчание.

Для палестинцев неизменным остается лишь одно слово – *Накба*, означающее «катастрофа» и относящееся к принудительному исходу 700 000 палестинцев в 1948 году. «Наша страна – страна слов. Говорят. Говорят. Позвольте же моей дороге уткнуться в камень», – писал поэт Махмуд Дарвиш. *Накба* стала именем четырех поколений, и оно живо, потому что операция «этнической чистки» всё еще не признана ни Израилем, ни Западом. Смелая работа правдивых – и преследуемых – израильских историков, таких как Илан Паппе, имеет первостепенное значение в этом контексте, поскольку она может привести к официальному признанию и превратить роковое имя обратно в слово, каким бы трагичным оно ни было.

Здесь никого не удивит обломками, включая обломки слов.

Мы забываем о географическом масштабе рассматриваемой трагедии. Весь Западный берег плюс сектор Газа меньше Крита (острова, с которого палестинцы, возможно, прибыли

в доисторические времена). Здесь проживает три с половиной миллиона человек, что в шесть раз больше, чем на Крите. И систематически каждый день площадь уменьшается. Города становятся перенаселенными, сельская местность – огороженной и недоступной.

Израильские поселения расширяются, появляются новые. Специальные подъездные пути для поселенцев, запрещенные палестинцам, превращают старые дороги в тупики. Контрольно-пропускные пункты и сложная система проверки удостоверений личности серьезно ограничили для большинства палестинцев возможность передвигаться и даже планировать поездки к остаткам собственных территорий. Для многих перемещение ограничено двадцатью километрами.

Стена огораживает, срезает углы (когда она будет закончена, то захватит почти десять процентов того, что осталось от палестинской земли), разрезает сельскую местность и отделяет палестинцев друг от друга. Ее цель – разбить «Крит» на дюжину маленьких островов. Кувалда в виде бульдозеров.

«В пустыне от нас ничего не осталось, кроме того, что пустыня сохранила себе» (Махмуд Дарвиш).

Отчаяние без страха, смирения и чувства поражения формирует такое отношение к миру, какого я никогда раньше не видел. Его можно почувствовать в молодом человеке, вступающим в Исламский джихад, или в пожилой женщине, вспоминающей и бормочущей что-то сквозь щели между редкими зубами, или улыбающейся одиннадцатилетней девочке, которая прячет надежды в отчаянии...

Как работает такое отношение к жизни?

Слушайте...

Трое мальчиков сидят на корточках и играют в шарики на углу переулка в лагере беженцев. В нем многие родом из Хайфы. Мальчики ловко подбрасывают шарик одним большим пальцем, при этом тела остаются неподвижными, что говорит о жизни в очень тесных помещениях.

В трех метрах отсюда, по переулку, который уже, чем коридор отеля, находится магазин, торгующий поддержанными запчастями для велосипедов. Рули расположены на одной полке, задние колеса на другой, седла на третьей. Если бы не расположение, они выглядели бы как непригодный для продажи металлолом. Но они продаются.

На стене низкого здания с металлической дверью, напротив магазина, написано: «Из чрева лагеря каждый день рождается революция». Школьный учитель живет со своей сестрой в двух комнатах за этой металлической дверью. Он указывает на пол второй комнаты, размером с две ванны. Потолок и стены обваливаются. Это комната, где я родился, говорит он.

Вернемся в его гостиную. Он показывает на фотографию в позолоченной рамке, которая висит на стене рядом с официальным портретом Арафата в куфии. На фотографии мой отец в молодости, она сделана в Хайфе! Коллега однажды сказал мне, что он похож на Пастернака, русского поэта, как вы считаете? (Так и есть.) У него было больное сердце, и *Накба* убила его. Он умер в этой комнате, когда мне было двенадцать.

В дальнем конце здания с металлической дверью, напротив магазина велосипедных запчастей, в восьми шагах от места, где мальчики играют в шарики, есть квадратный метр земли, где растет куст жасмина. На нем всего два белых цветка, потому что сейчас ноябрь. Вокруг валяется дюжина пустых пластиковых бутылок из-под минеральной воды, выброшенных из переулка. По меньшей мере шестьдесят процентов обитателей лагеря – безработные. Лагерь – это трупшвы.

Когда у кого-то появляется возможность покинуть лагерь и перебраться в жилье получше, случается и так, что он отказывается и решает остаться. В лагере он, как палец, является частью бесконечного тела. Переезд был бы равносителен ампутации. Позиция непобедимого отчаяния работает так.

Слушайте...

Оливковые деревья на самой верхней террасе выглядят взъерошенными; серебристая сторона листьев гораздо заметнее, чем обычно. Потому что вчера собирали оливки. В прошлом году урожай был скудным, деревья устали. В этом году лучше. Судя по их обхвату, деревьям должно быть три-четыре столетия. Террасы из сухого известняка, вероятно, еще более древние.

В паре километров отсюда, к юго-западу, находятся два новых поселения. Обычные, компактные, неприступные, городского типа (поселенцы каждый день ездят на работу в Израиль). Ни одно из них не похоже на деревню, скорее на огромный джип, достаточно большой, чтобы с комфортом разместить двести поселенцев с оружием. Оба они незаконны, оба построены на холмах, у обоих есть смотровые башни, похожие на минареты мечети. Их виртуальное послание окружающей местности звучит так: руки над головой, еще выше, и медленно иди назад.

Строительство поселения на западе и ведущей к нему дороги потребовало вырубки нескольких сотен оливковых деревьев. Мужчины, работавшие на строительстве, были в основном палестинцами. Позиция непобедимого отчаяния работает так.

Семьи, которые вчера собирали оливки, происходят из расположенной в долине между двумя поселениями деревни с населением около трех тысяч человек. Двадцать деревенских мужчин находятся в израильских тюрьмах. Один был выпущен два дня назад. Несколько молодых людей недавно присоединились к ХАМАС. Гораздо больше людей проголосуют за ХАМАС в январе следующего года. У всех детей есть игрушечные пистолеты. Все бабушки, дивясь тому, что стало с обещаниями, которые им когда-то давали, одобрительно кивают своим сыновьям, невесткам, племянникам и волнуются за них каждую ночь. Позиция непобедимого отчаяния работает так.

«Муката», штаб-квартира Арафата в палестинской столице Рамалле, три года назад превратилась в гигантскую груду обломков, когда танки и артиллерия ЦАХАЛ удерживали его там в заложниках. Теперь, спустя год после его смерти, палестинцы расчистили завалы – хотя некоторые считали, что их следовало оставить как исторический памятник, – и внутренний двор резиденции сегодня голый, как буровая площадка. На западной стороне, на уровне земли, лежит строгая плита, отмечающая могилу Арафата. Над ней крыша как над платформой небольшой железнодорожной станции.

Любой желающий может найти туда дорогу, пройдя мимо изуродованных стен и гирлянд колючей проволоки. Два часовых стоят у плиты. Ни у одного главы обетованного государства нет более сдержанного места упокоения, и оно говорит, что находится здесь вопреки всему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.